

Лоян, который также называют Городом цветов, — второе по богатству место в государстве. Сюда стекается множество людей, что способствует развитию экономики и культуры.

Очнувшись в очередной раз, Линь Чаогэ обнаружила, что аппетит у неё зверский. Миска с рисом перед ней быстро опустела, обнажив на дне изящного фарфора рисунок стебля бамбука — символ стойкости и благородства.

Она отставила миску и с удивлением заметила, что Си'эр, стоявший рядом, во все глаза смотрит на неё, но не шевелится.

— Чего уставился? Накладывай ещё! — скомандовала Линь Чаогэ.

Си'эр взял её маленькую фарфоровую мисочку и радостно защебетал:

— Молодой господин, вы сегодня очнулись и сразу с таким аппетитом? Это куда лучше, чем раньше, когда вы ели всего по ложке и только огорчали нас.

Подумать только, разве ложки риса хватит, чтобы наесться! Это же порция, которую тётушка в столовой отмеряет дрожащей рукой.

Линь Чаогэ наконец поняла, почему прежняя владелица тела была такой худой. Если трижды в день съедать меньше порции, так и до бессмертия недалеко — одни кости останутся.

Такое обслуживание — когда тебе и еду подают, и одежду помогают надеть — её вполне устраивало. К тому же ей приходилось постоянно быть настороже, чтобы не выдать себя, а по ночам, ещё не оправившись от болезни, корпеть над книгами. Если бы её ещё и не кормили как следует, жизнь стала бы совсем невыносимой.

Си'эр, прислуживавший господину с малых лет, заметил в нём странные перемены, хотя и не мог объяснить, в чём именно они заключались. Прежде молодой господин был угрюмым, болезненным, спал беспокойно, не расставался с Лунь Юем, говорил до обидного мало и при виде чужих людей вечно съёживался.

На это сам господин отвечал так: — Когда побываешь на грани жизни и смерти, понимаешь, что все эти печали и уныние — пустая трата времени. Главное — жить хорошо.

Си'эр не совсем понимал смысл сказанного, но звучало это убедительно.

Как только раны на спине затянулись, Линь Чаогэ начала вести себя активнее: на рассвете она стала бегать вокруг заднего двора. Ничего не поделаешь, тело прежней владелицы было слишком уж хрупким, как у девицы Линь.

Небо ещё не успело полностью посветлеть, в воздухе висел густой туман, а низкие кустарники

в саду казались тёмными пятнами, то и дело исчезающими в белой пелене. Утренняя влага оседала на её сухих, ломких волосах, превращаясь в туманную дымку, и кончики прядей слегка покачивались.

Её глаза в этом мареве казались особенно ясными, словно омытые чистой водой кристаллы, в которых отражался слабый свет. Она стояла там, подобно лучу утренней зари, пробивающемуся сквозь ночной мрак.

К середине третьего месяца Линь Чаогэ окончательно поправилась. К тому времени она уже безнадежно отстала от учебной программы, поэтому, едва забрезжил рассвет, она закинула на плечо сумку с книгами и направилась к академии.

— Ох, капуста моя, пожелтела в поле, три годочка мне, матушки не стало, с батюшкой несладко, батюшка-то мачеху привёл... — напевала Линь Чаогэ, жуя вялую морковку и верхом на ослике торопливо пробираясь к академии.

Видимо, в пути она задержалась, потому что, добравшись до места, обнаружила, что ворота уже закрыты. Линь Чаогэ в сердцах вздохнула, глядя на высокую стену, и только собралась развернуть осла, чтобы придумать что-то другое, как навстречу ей зацокал копытами гнедой конь.

Всадник быстро достиг ворот, и ржание коня заставило выбежать сторожа, дремавшего в углу. Новый сторож бросился к лошади, принял поданную деревянную табличку, всмотрелся в неё в полумраке и, разобрав надпись, тут же согнулся в поклоне:

— Прошу прощения, молодой господин Ван! Сейчас открою!

Линь Чаогэ тихо ждала в сторонке, не сводя глаз с происходящего. Как только послышался лязг замка, всадник тронулся с места, но в тот самый момент, когда он проезжал в ворота, из-за угла выскочил ослик с седоком в зелёном халате и на всех парах пронёсся внутрь.

— Эй, эй! Ты, на осле, стой! — закричал сторож. — Стой, а то велю схватить!

Но ослик Линь Чаогэ словно ничего не слышал и бежал только быстрее.

Когда ослик разогнался, мимо него, обгоняя, пронёсся конь. Линь Чаогэ не успела опомниться, как услышала ржание лошади и протестующий крик осла. Путь был преграждён, ослик сердито фыркал, а Линь Чаогэ, намотав поводья на руку, только подняла голову, как услышала приказ:

— Слезай.

Линь Чаогэ окинула взглядом его одеяние и послушно соскочила на землю.

— А, это младший господин Ван. Моё почтение, — сказала она, кланяясь юноше в нежно-жёлтом наряде с высоким хвостом на затылке.

Однако Ван Сифэн не спешил уезжать. Он натянул поводья, подъехал ближе и насмешливо спросил:

— Почему младший господин Линь последние дни не появлялся в академии?

В его язвительном тоне сквозил намёк на недавние события. Не дожидаясь ответа, Линь Чаогэ обратилась к сторожу:

— Кажется, кто-то идёт к воротам, не посмотрите?

Простодушный сторож тут же обернулся. Линь Чаогэ не упустила момента: она вскочила на осла и, поторапливая его, помчалась к учебному корпусу. Ван Сифэн развернул коня и не спеша последовал за ней, ведя себя так, будто академия принадлежит ему.

Сторож спохватился слишком поздно. Когда он сокрушался, коллега хлопнул его по плечу и сказал:

— Ты что, одурел? Это же Ван Сифэн, сын губернатора! Зачем ты решил задержать этого маленького тирана? Мы обычно закрываем глаза на такие выходки.

— Но тот, в зелёном, был мне не знаком!

Коллега, знавший толк в делах, бросил на него взгляд:

— Правду говорят, что ты дуб дубом. Сюда приходят учиться либо богачи, либо те, у кого есть власть и связи. К тому же, разве ты не слышал: не смейся над бедным юношей.

— Закрывай ворота, я пойду позавтракаю.

— Угу.

Сторож поспешно запер ворота, напоследок бросив взгляд на пустой угол и закрытые двери академии. В этот час там действительно уже никого не было.

Конь и ослик приближались к главному корпусу, откуда доносилось чтение вслух. Ван Сифэн намеренно держался позади, отчего ослик Линь Чаогэ, не понимая причин, шёл очень гордо и бодро перебирал копытами.

Но Линь Чаогэ, не доезжая до главного входа, свернула к боковой калитке, не сказав ни слова. Ван Сифэн же, поделив с ней путь, гордо въехал в главные ворота академии.

Внутри Линь Чаогэ, зная, что опоздала, прокралась в самый дальний угол, разложила книги и принялась прилежно записывать слова учителя. Урок тянулся невыносимо долго — учитель всё раскачивался из стороны в сторону, бормоча бесконечные цитаты из классиков.

— Эй, посмотри, кто пришёл.

Линь Чаогэ размышляла над заданием, когда её сосед Лю Баожу толкнул её в бок. Линь Чаогэ, не любившая прикосновений, нахмурилась и молча отодвинулась. Проследив за взглядом соседа, она увидела Ван Сифэна, которого сразу после урока окружила толпа. Линь Чаогэ поморщилась.

Ван Сифэн, до этого сохранявший невозмутимый вид, заметив её, помрачнел и, фыркнув, отвернулся.

Причиной вражды было то, что в академии сформировались две противоборствующие группировки. К первой, возглавляемой Ван Сифэном, принадлежали дети богачей и чиновников, которые целыми днями только и делали, что развлекались. Ко второй, к которой относилась Линь Чаогэ, примыкали выходцы из обедневших, но образованных семей.

Обе стороны презирали друг друга: одни считали других фальшивыми снобами, а те в ответ называли их паразитами общества и бездарными мажорами.

Линь Чаогэ чувствовала раздражение. Она сама ещё не предъявила претензий этому виновнику своих двухнедельных мучений, а он уже задирает нос!

От возмущения ей захотелось встать и уйти, но как только она поднялась, кто-то из однокурсников случайно подставил ей ногу.

— Ой!

Линь Чаогэ не удержала равновесия и, падая, в ужасе увидела перед собой Ван Сифэна. Они оказались нос к носу. Он, по-видимому, тоже не ожидал такого поворота и вытаращил глаза.

Конец! Мне конец!

Глядя на лицо Ван Сифэна, находившееся в опасной близости, Линь Чаогэ зажмурилась, ожидая худшего.

— Ой! Осторожнее, младший господин Линь!

— Ой! Младший господин Ван, берегись!

Лю Баожу, осознав, что именно он стал причиной падения Линь Чаогэ и теперь подставил её под гнев маленького тирана, замер с открытым ртом.

На глазах у изумлённой публики Линь Чаогэ рухнула прямо на Ван Сифэна! Раздался двусмысленный звук: её губы коснулись его щеки.

Все присутствующие дружно ахнули. Ван Сифэн застыл, не в силах пошевелиться от шока и тепла, оставшегося на коже. А Линь Чаогэ... она просто окаменела.

Наконец, Ван Сифэн пришёл в себя и, поняв, что именно на нём лежит, вскрикнул, словно его ударило молнией:

— А-а! — он оттолкнул её и в панике вскочил на ноги.

Линь Чаогэ, потирая ушибленный о край стола лоб, с нескрываемой злостью посмотрела на него.

— Гадкая девчонка! Как ты посмела... — Ван Сифэн дрожащим пальцем указывал на неё, охваченный горем и яростью.

Линь Чаогэ, которая до этого чувствовала себя неловко, при виде такой реакции растерялась. Эй, вообще-то это она пострадавшая сторона!

Ван Сифэн кусал губы, а в его глазах застыл такой холод, будто он был готов проглотить её живьём.

— Мерзость! Грязь! — бросил он и, с отвращением вытирая покрасневшую щеку, выбежал из класса.

Линь Чаогэ осталась стоять на месте, внешне сохраняя спокойствие, хотя внутри она была готова рыдать. Она, та, кого только что приложили лицом об стол, ещё ничего не сказала, а тот, кто сам же и пострадал, ещё и возмущается!

В классе воцарилась странная тишина. Пока остальные думали, как бы поскорее уйти, Лю Баожу вдруг вытаращил глаза и, переводя взгляд с Линь Чаогэ на убегающего Ван Сифэна, выпалил:

— Люди! Линь Чаогэ только что поцеловала Ван Сифэна!

Эта фраза повергла всех в шок.